

Современная проза

Евгений ПРОКОПОВ

ВЕСЕЛЕЙ, РЕБЯТА

Пьеса в актах, 10 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бамовцы-перводесантники:

Сергей, почти разуверившийся, лет 50.

Надежда, его жена, ровесница.

Анатолий, их друг, спивающийся, окладистая борода, чуть моложе.

Антонина Ивановна, мама Тоня, уже на пенсии, старая дева, энтузиастка.

Остальные:

Володя, турист, лет 35, то ли краевед, то ли скупщик старины.

Анжела, племянница Надежды, столичная штучка, девушка без предрассудков, лет 20 с небольшим.

Георгий, Герка, то ли жених, то ли приятель Анжелы, с виду квёлый, серьга в ухе, косичка.

Виталий, Виталик, бывший комсомольский секретарь, DS: вялотекущая шизофрения, лет 35.

Олег-кришнаит, лет 35.

Люба, его жена, тоже кришнаитка, лет 35.

Старуха, роль без слов; похожа на ведьму, вся в чёрном.

Действие первое

Берег сибирской реки. Суровый шум могучего порога. Дикий угрюмый вид: сопки вдали, береговые утёсы, валуны, лиственницы. Ненастный день.

Сергей без особого азарта забрасывает раз за разом спиннинг. Что-то напевает уныло. Кажется, «Веселей, ребята, выпало нам...»

Поправляя блесну, бормочет и, понемногу распалаясь, ворчит.

Сергей. Ох-хо-хо... И рыбы не осталось. А раньше здесь, у Порога, как в котле

кипело. Хариусы, таймени... Да что там говорить, раньше здесь и жизнь кипела! А теперь... *(Не находя слов, сокрушённо-отчаянно машет рукой.)* Уехать бы куда-нибудь, да кому ты нужен в наше время, кого интересуют твои двадцать лет бамовских?! И ни денег, ни здоровья уже нет; о почёте, славе или простом уважении и речь не идёт. А ведь как начиналось! БАМ строила вся страна. Трудности не пугали. Они казались временными. Мечтали мы о новых городах, о новом счастье. Теперь о БАМе просто забыли. О всех нас забыли. *(Замечает что-то на пороге. Вглядывается. Кричит, сложив рупором ладони.)* Куда?! Куда ты!? Там камни! Левее бери! Левей... Ох, ты, бедолага. Грохнулся-таки. *(Взволнованно бежит по берегу.)* Давай сюда! Плыви, милый! Держись! Ну, слава Богу... Доплыл... Молодец! Давай, помогу выбраться. *(Бросает в сторону спиннинг. Оскальзываясь и спотыкаясь на мокрой гальке, спешит помочь.)*

Из глубины сцены, из-за камней-валунов выползает на четвереньках, весь мокрый, Володя. Он кашляет и отплевывается.

Сергей *(помогая ему подняться)*. Ну, ты, брат, молодец! Ну, молодец! Выбрался! Это же... Порог – одно слово. Мясорубка! И вода холоднющая, словно лёд. Левее тебе надо было, а ты напрямик на Камень поёр. Воды, поди, наглотался? Давай, скидывай мокрое, переоденься. Я тебе сейчас свитер сниму.

Очухавшийся Володя вырывается из рук Сергея, взволнованно пытается что-то сказать, хрипит, кашляет. Рвётся обратно к воде.

Сергей. Куда ты? Очумел, что ли? Не накупался ещё?

Володя *(махая руками в сторону Порога, сквозь кашель)*. Спасай... Там... Баба... Утонет...

Сергей. Что? Что ты сказал? С тобой баба была? То есть женщина? Час от часу не легче! *(Вскочив на береговой валун, вглядывается.)* А, вон она! Ниже Порога прибило. Неужто утонула? Ох, ты, горе: лежит, не шевелится. Авось, откачаем. Бежим скорее! *(Спрыгивает с камня. Неловко. Подвернул ногу. Ругается.)* Ах, чёрт!

Обгоняя его, охромевшего, Володя бежит, куда показывает Сергей.

Сергей *(потирая ногу, останавливается, всё повторяя)*. Вот несчастье-то! Вот несчастье-то! Авось, откачаем...

Навстречу ему, из-за кулис на сцену медленно, с видимым ощущением огромной, непереносимой тяжести, входит, пошатываясь, Володя с ношей, закутанной то ли в плащ, то ли в брезент.

Сергей *(в ужасе отпрянув от него, потрясённо выдыхает)*. А-а-а!

Володя *(медленно опускается на прибрежную гальку, кладёт свою драгоценную мокрую ношу, склоняется над ней, бормочет, то ли всхлипывая, то ли протужено шмыгая носом)*. Милая моя, милая! Хорошая моя! Вот мы и снова вместе...

Сергей *(подковыляв к нему, кричит)*. Что ты копаешься?! Что мешкаешь? Тут каждая минута дорога! Скорее давай! Делаем искусственное дыхание. Изо рта в рот! Это надёжней всего! Воду сначала надо удалить. Перевертывай её, клади животом на колено. Может, живая ещё; может, только нахлебалась? Слышь, ты!

Он склоняется было над «утонувшей». Потрясённо отшатнулся, увидев, как Володя высвобождает из длинного мокрого брезентового плаща каменную Бабу-идола языческого в оранжевом надувном спасательном жилете и ставит её вертикально.

Сергей *(в сердцах)*. Тьфу! Чтоб тебе! Напугал, зараза... *(Потихоньку приходит в себя, шутливо ворчит, передразнивая.)* Баба там, баба... Я чуть ногу не сломал – спасать кинулся!

Володя. Прости, братка... Мне эта баба... *(Не находя нужных слов, восторженно вздымает руки и возводит к небесам глаза.)* Хорошо, я её, голубку родную, спасжилетом обвязал и в плащ закутал. Как знал, что могу опрокинуться. Река ваша – дурноватая! Шальная, страха...

Сергей *(оглядывая его)*. Вот что, друг, тебя, я вижу, дрожь колотит. Бежим-ка в котельную, тут недалеко. Отогреешься, посушишься. А потом уже в посёлок пойдём. На, хоть шапку сухую надень пока.

Володя взваливает изваяние на плечо, пошатывается под тяжестью.

Сергей. Да брось ты её! Она же каменная! Зачем ты потащишь её? Потом придём за ней.

Володя. Не могу!

Сергей. Ну, тащи, надрывайся, коли хочешь. Хозяин – барин! А по мне, так ничего бы с ней не случилось. Здесь бы полежала. Не сахарная. *(Торопливо собирает свои рыболовные снасти в сумку, сматывает спиннинг.)*

Они уходят: Володя с истуканом на плече, Сергей со снастями, спиннингом, оранжевым спасжилетом и мокрым брезентовым плащом, хромает. Навстречу им Старуха в чёрном. Она свирепо зыркает глазом на «идолище поганое». Крестится по-староверски двумя перстами. Истоиво.

Володя. Что это за ведьма?

Сергей. Боговерная какая-то. Сектантка, наверное, или баптистка...

Володя. Крестится-то по старой вере. Двумя перстами.

Сергей. Разберёшь их разве...

Володя. Экая боярыня Морозова!

Действие второе

Поселковая котельная. Полумрак, освещаемый отблесками пламени из полуоткрытой топки. В дальнем углу виднеются куча угля, тачка, лопата. Стол, кушетка. Сергей и Володя устало вваливаются в помещение.

Сергей. Ну, вот и пришли. Здесь у нас – как в Ялте! Ставь свою подругу в уголок, да поскорее раздевайся. Сушись, грейся. Не хватало ещё простудиться.

Володя, зябко передёргивая плечами, торопливо раздевается, остаётся в «семейных» трусах. Раскладывает мокрую одежду на кушетке, придвинув её к теплу поближе.

На короточках присаживается у топки, раскрыв её дверцу настежь. Он блаженно постанывает и поворачивается то одним боком, то другим.

Володя. О-о-ой, хорошо-то как, братка! *(Поворачивает к теплу спину, следит за Сергеем, растерянно ищущим что-то.)* Ты что ищешь? Сам-то грейся, я подвинусь.

Сергей *(продолжая ходить по котельной)*. Где-то должен быть Толян. Друг мой, сменщик. Сегодня его дежурство. Да где же он? *(Прихрамывая, ходит по котельной, берёт со стола пустую бутылку, брезгливо нюхает, передёргивается от неприятного отвращения.)* Неужели опять запил Толян? *(Поясняет Володе.)* Жена у него недавно сбежала. Так-то мужик он хороший. Давно его знаю, мы вместе приехали сюда двадцать лет назад, с первым отрядом. Хороший мужик. На гитаре играет. Раньше песни сочинял. Теперь вот пьёт... *(Замечает в тёмном углу спящего на полу Анатолия. Будит его.)* А, дружище, вот ты где! Чего ты тут разлёгся? Я смотрю, на кушетке никого, думал, ты за «добавкой» побежал.

Анатолий *(протирая глаза)*. Да жарко там! Я тут маненько принял и, чтобы не угореть, прилёг здесь, в холодке. *(Пожимает Сергею руку)* А ты чего? По делу или так зашёл? Контролируешь? Не бойся, Толян не сопьётся.

Сергей. Нужен ты мне, контролировать тебя... Мы вот с приятелем зашли к тебе обогреться да обсушиться. Он у Порога с байдарки вывернулся. Едва выплыл. Мы посидим тут у огонька. Не против?

Анатолий замечает Володю, подходит к нему, протягивает руку, предварительно вытерев её о рубаху. Они знакомятся.

Анатолий (*шутливо*). Это сколько угодно! Я тут весь БАМ обогреть могу. (*Посерьёзнев, добавляет.*) Сколько нас осталось-то на БАМе. Всего-ничего! Вот только изнутри погреть вас нечем. Что у меня было, – выпил. Кто ж знал, что гости будут.

Сергей (*с укоризной*). Толян, Толян, чего ж ты запил опять? Ведь сопьёшься, погибнешь.

Анатолий (*машет рукой*). А, скорей бы уж допить до белой горячки, может, с чёртиками, как приходиться начнут, веселее будет. А то ведь тоска! (*Володе.*) Ты, Вова, догола раздевайся, трусы скидывай, чего в мокрых киснешь, скидывай, не сомневайся, тут стесняться некого, женщин нет; а хочешь, вон возьми мой халат, прикройся. Он не грязный...

Володя, отойдя в сторону, снимает мокрые трусы, надевает тёмно-синий рабочий халат, путаясь в явно великоватом наряде, с трудом попадает в рукава.

Сергей (*подтрунивая незло*). Не жмёт?

Володя (*смущённо*). Великоват немного.

Володя выжимает трусы, приспособливает их на кушетку, поближе к огню.

Сергей (*обращаясь к Анатолию*). Чего к нам не заходишь? Надя часто спрашивает, как ты.

Анатолий. Не могу! Стыдно. (*Качает головой.*) Так Надюхи стыдно – слов нет.

В смятении взволнованно ходит по котельной; вдруг останавливается, вглядываясь в тёмный угол у входа, где Володя поставил каменную бабу. Испуганно-изумлённо протирает глаза. Тычет в угол пальцем.

Анатолий. Во! Черти! Легки на помине! Допился я, мужики. Капец мне! Белая горячка начинается.

Сергей (*подходит к нему и встревожено спрашивает*). Что такое?

Анатолий (*судорожно сцепившись в плечо Сергея, показывает в угол*). Во! Уже черти по углам мерещатся! Чур, меня!

Сергей (*вглядевшись, смеётся*). А! Эта девушка – с нами! (*Показывает на Володю.*) Вот этого господина в халате, что на кушетке твоей возлежит.

Анатолий (*подходит к идолице, осторожно трогает её, облегчённо вздыхает*). Фу, слава Богу! А то меня аж пот холодный прошиб. (*Опять подходит, трогает каменную Бабу, словно убеждаясь в её реальности.*) Ах, ты какая! Напугала меня, алкаша, да? Хороша, хороша... (*Обращается к Сергею и Владимиру, воодушевляясь.*) Сколько она повидала на своём веку! Стояла такая идолица где-то в степи... Чтили её людишки, почитали, мазали ей губы жиром и кровью, шаманы вокруг прыгали-скакали, заклинания бормотали...

Анатолий (*обращаясь к Владимиру*). Где ж ты её нашёл? А, турист? Эй, турист! (*Поворачивается к Сергею.*) Заснул! Разомлел, бедолага, пригрелся. Пусть поспит. Ты не торопись, Серёга? Давай посидим, поговорим...

Приносит два старых табурета. Ставит их у кушетки, на которой спит разомлевший Володя. Прикрывает дверцу топки. Сидят в полусумраке. Долго молчат задумчиво.

Анатолий. Помнишь ту нашу первую зимовку? Костры, палатки, печурки...

Сергей. Помню, Толя. Как же... Я ещё тогда ухо отморозил. Целовался на холоде с Надюхой. Форсил перед ней.

Анатолий. Тот год – лучшее, что в моей жизни было...

Сергей. Да ладно ты, не начинай!

Анатолий послушно кивает головой. Сидят. Молчат.

Анатолий. Погоди-ка! Надо угольку подкинуть. Служба...

Покряхтывая встаёт, берёт лопату, отходит к угольной куче. Начинает там насыпать уголь в тачку. Слышатся странные скребущие звуки угля по металлу.

Сергей. Ну, а мы, наверное, пойдём. *(Расстлкивает спящего Владимира.)* Вставай, землепроходец! Собирай свои манатки. Здесь толком не обсушишься. Да и жрать охота.

Володя спросонок двинулся в угол, где поставили каменную бабу.

Сергей *(останавливает его)*. Да, ладно ты. Пусть здесь побудет. Никуда она не денется.

Володя, подумав, согласно качает головой.

Сергей *(обращаясь к Анатолию)*. А ты, Толик, как сменишься – сразу к нам. Посидим. Не каждый день новый человек в наших «палестинах» появляется. Обещай, что придёшь.

Анатолий *(опираясь на лопату, отзывается)*. Ну, добре, добре... Приду. *(Подходит к ним, хлопает по плечу Владимира.)* Ты, брат, в этой одежке вылитый бич! Настоящий бичара.

Все смеются. Сергей и Владимир уходят.

Действие третье

Квартира Сергея и Нади.

Сергей. Принимай гостей, Надюша! *(Поворачивается к Владимиру.)* Проходи, не стесняйся.

Надя *(натянута-вежливо)*. Да-да, пожалуйста, входите. Чувствуйте себя как дома. *(Отводит Сергея в сторону, возмущённо выговаривает ему вполголоса.)* Сергей! Ты кого привёл? Бомж какой-то! Или, того хуже, беглый зек!

Сергей *(шепчет притворно-негодующе)*. Ты что, Надя! Какой зек?! Это же турист! Музейный работник! Старинной интересуется. Его байдарка на моих глазах разбилась на Пороге. Стыдись, Надежда!

Надя *(шепчет)*. Спроси хоть документы!

Сергей *(сердито машет рукой)*. Брось ты! Давай лучше ужин спроворь, сейчас Толик придёт.

Володя *(отзывая Сергея в сторону)*. Братка, Серёжа, дай мне моё барахло, а то я в этом халате перепачкаю тут у вас всё.

Сергей. Твоё ещё не досохло. Сейчас Надя что-нибудь из моего подберёт.

Надя выносит одежду, подаёт Володе, тот уходит за кулисы, там переодевается, возвращается в старом спортивном костюме с буквами СССР на спине. Костюм ему явно не по размеру, чувствует себя он в нём неловко.

Сергей. Ну, вот и славно. Красавец! Come back to USSR! С возвращением в СССР! *(Обращаясь к жене.)* А как у нас с ужином, Наденька?

Надя. Да всё уже готово. Я сколько уже тебя жду с рыбалки.

Сергей. А, какая рыбалка... Рыбы, и той не стало. Скучная жизнь пошла. *(Обращаясь к Владимиру.)* Раньше здесь река кипела... Не веришь? *(Обращаясь к жене.)* Скажи ему, Надя!

Надя *(всплеснув руками)*. Ну, раньше...

Супруги хлопочут, накрывая на стол. Володя смотрит фотоальбомы.

Сергей. Надюха у меня – золото! Без неё я бы давно... *(Машет рукой.)* Она и сама ни во что верить не перестала, и нам – всем вокруг – не даёт расклеиться. Энту-

зиязма у неё – во, сколько! *(Рыбацким жестом широко расставляет руки.)* У нас в посёлке их две таких энтузиастки – Надя моя и Мама Тоня – патриотка. Переписываются чуть не со всеми бойцами первого нашего бамовского десанта. Каждый праздник почтальонша полмешка поздравительных открыток приносит.

Надя *(поддразнивая мужа, шутливо-озорно)*. Да! Любят нас, помнят.

Сергей *(продолжая)*. Как же! На съезде комсомола, когда все делегаты фотографировались на прощанье, с самим Леонидом Ильичом Брежневым рядом сидела.

Надя *(задорно)*. Сидела!

Сергей. Генеральный секретарь – он озорник. Надюху мою даже за локоток легонько жиманул. *(Смеётся.)* Чего ты дерёшься? Сама ведь рассказывала, что жиманул тебя Ильич за локоток. Где эта фотография? Принеси, Надя, покажи человеку.

Надя *(решительно)*. Всё! Перестань, Серёжа! Ну, тебя!

Из прихожей слышится звонок.

Иди, открой дверь. А ты. Володя, не обращай внимания на его шуточки.

Входят Анжела с Георгием. Одеты по-дорожному, в руках сумки.

Анжела. Тётя Надя! Дядя Серёжа! Здравствуйте! Как говорится, вы нас не ждали, а мы припёрлись! *(Хохочет.)* Вот, принимайте гостей. Мы к вам проездом заскочили.

Надя. Ой, Анжелка! Выросла-то как! *(Целует племянницу.)* Большая стала – не узнать. Какими судьбами, девчата?

Обиженный Георгий молча и деловито выбирает себе место, садится в уголок дивана и задрёмывает сразу же.

Анжела *(отведя Надю в сторону, поправляет её вполголоса)*. Тётъ Надь, это Гера, Георгий, мой приятель! Мы к вам проездом заскочили.

Надя *(сконфуженно)*. А что ж она, то есть он – с косичкой? И серёжка в ухе?

Анжела *(укоризненно)*. Тётъ Надь! Дремучий ты человек! *(Смеётся, заливаясь дурковато-счастливым смехом.)* Это мода такая!

Надя. Зачем серьга-то?

Анжела. А, не бери в голову, тёть Надь! *(Обращаясь к Георгию.)* Герка, тебя опять за девицу приняли! Смех!

Георгий *(с напускной угрюмостью буркает)*. Ничего, мы привычные.

Сергей *(обращаясь к Володе)*. Пойдём, стол нужно собрать, гостей много, не рассядемся. Заодно покажу тебе свою Надежду рядышком с генеральным секретарём. Эта фотка у нас под стеклом, в рамке, наособицу хранится. В спальне. Каждое утро, открывая глаза, вижу этот разврат.

Надя, привычная к таким шуточкам, молча показывает мужу кулак. Сергей и Володя уходят.

Анжела подходит к окну, откидывает занавеску, беспричинно смеётся.

Надя. Ты чего?

Анжела. Я помню, когда была маленькой, всё мечтала к вам сюда на БАМ приехать. Завидовала вам, гордилась, что такие геройские родственники у нас есть. В школе сочинения про вас писала. Пятёрки мне ставили. А когда вы приезжали к нам по пути в отпуск на Чёрное море, я, как дура, тайком нюхала в прихожей ваши шапки, шубы, дядь-Серёжины унты. Боже мой! И вот я тут, у вас, на БАМе. С ума сойти! *(Смеётся.)*

Надя. Ну, ладно, ладно, хохотушка. Идите, располагайтесь. Устали, поди, с дороги-то. Приятель твой какой-то квёлый. Сморился.

Анжела. А, Герка-то? Да он всегда такой! Не смотри, что вроде как зачуханный, – он любого перепьёт.

Надя. Вот доблесть-то! *(Передразнивает Анжелу.)* Перепьёт любого. *(Достаёт из комода стопку постельного белья, озадаченно смотрит то на племянницу,*

то на бельё; смущённо спрашивает.) Вам как стелить-то? Вместе?

Анжела. Вместе, тётя Надя, вместе. *(Дурашливым тоном добавляет.)* Если вас это не очень шокирует, мэм! *(Звонко смеётся.)* Я уже большая, тётя Надя!

Надя. Мне-то что! Смотри сама. *(Передразнивает.)* Большая. *(Прислушивается.)* Тихо! Кажется, звонили. Ну-ка, беги, открой.

Анжела, напевая, убегает вприпрыжку. Из прихожей доносится её испуганный крик. Вбегает в комнату.

Анжела. Тётя Надя! Тётя Надя! Там какой-то... *(Жестами изображает что-то большое, бородатое.)* Там... бармалей какой-то... С этой... *(Показывает жестами нечто пузатое и пучеглазое.)*

Входит Анатолий. Он держит двумя руками в обнимку каменное изваяние. Ставит ношу на пол. С облегчением вздыхает.

Анатолий. Вот черти, забыли свою дуру, а я, душа простая, тащи эту тяжесть! Добрый вечер всем! Здравствуй, милая моя Наденька!

Целуется с Надей.

Надя. Здравствуй, Толик! Сто лет, бессовестный, не заходил. *(Треплет его за бороду.)* А зарос-то, а зарос!

Анатолий. Что, совсем ханыгой стал, да? Бич бичом, да?

Надя. Да уж!

Смеются. Анжела со стороны внимательно смотрит на них.

Надя. Ну, ладно... Хорошо, что пришёл. У нас сегодня столько гостей! Серёжа туриста на Пороге спас. Очень интересный человек. Сам увидишь. А вот племянница моя из столицы приехала с другом. Кстати, знакомьтесь: Толя – Анжела, Толя – Георгий.

Анатолий церемонно кланяется, протягивает руку Анжеле. Анжела, ещё не вполне оправившаяся от недавнего испуга, уже кокетливо приседает, делает подобие книксена.

Георгий, не вставая с дивана, приветственно поднимает руку, качает ею с величественной ленцой. Анатолий невольно передразнивает его жест.

Сергей и Володя вносят стол, начинают раздвигать его, вставляют среднюю секцию.

Надя. Анжела, Толик, пойдёмте со мной, поможете принести из кухни.

Действие четвёртое

Квартира Сергея и Нади. Застолье. Оживлённое, но непьяное.

Антонина Ивановна *(бодро входит)*. А вот и я! Здравствуйте, мои дорогие! Гляжу: у вас во всех окнах свет. Вот и пошла на огонёк. Не помешает старуха?

Надя *(радушно идёт ей навстречу)*. Мама Тоня! Ну, что ты говоришь? Ты разве можешь помешать? Хорошо, что зашла. Мы вот тут поужинали, а теперь сидим, вспоминаем... Присаживайся вот тут, со мною рядом. Поплачем.

Антонина Ивановна *(бодро)*. Я плакать-то не мастерица. Мне бы что повеселее. *(Поёт, фальшивя и перевирая слова.)*

Ох, птица счастья, выбери меня!
Выбери меня, ой, выбери меня,
Птица счастья, выбери меня.

Принимает поданный стакан, тарелку с закусками. Выпивает. Садится. С аппетитом закусывает.

Сергей (*продолжая разговор, обращается к Володе*). Вот ты спросил давеча, почему мы не уехали.

Володя. Да, спросил. Почему?

Сергей (*подняв к небу перст указующий*). Кто к знамени присягнул единожды, у оного и до смерти стоять должен!

Володя. Веско сказал! Орёл!

Сергей. Да это не я.

Володя. А кто же?

Сергей. Пётр наш, так сказать, Первый.

Володя. А-а-а.

Антонина Ивановна (*обращаясь к Анжеле с Геркой*). Простите, ребята, старую дуру. Я уже пьяная совсем... Всегда меня к молодёжи тянет.

Сергей (*прислушиваясь к шуму за окном*). Что там за шум на улице? Взгляни-ка, Надя.

Антонина Ивановна (*удерживает готовую встать Надю*). А я знаю, что там за шум. Когда я шла к вам, Виталик поймал Дроздовых, взносы, как обычно, требует. Бедняжка. Так у него с головой и не наладилось.

Надя. А что? Давайте и их позовём. Ведь тоже наши ребята. Пусть не из нашего, первого десанта. Но наши. Давайте их позовём. У нас здесь так хорошо. В кои-то веки собрались. Пойдём, Толя, поможешь мне их уговорить.

Надя и Анатолий уходят.

Сергей (*Володе вполголоса*). О-о! Друг, тебе повезло! Сейчас увидишь спектакль. Смех и слёзы!

Анжела (*вскакивая, пытается перекричать застольный шум*). Что-что, дядя Серёжа?

Сергей. Сейчас, сейчас! Сами увидите.

Георгий (*одёргивает Анжелу, усаживает; бормочет флегматично*). Ничего, мы привычные.

Надя и Анатолий заводят, почти вталкивая, троих новых гостей. Двое в лимонно-жёлтых балахонах, подпоясанных шнурками с колокольчиками, бритоголовые, в руках чётки; третий – Виталик – неопределённого вида молодой человек в потёртой кожаной тужурке.

Надя. Вот чудачки, чего же вы упираетесь? Здесь все свои!

Двое в жёлтых нарядах, Олег и Люба (*бормочут, перебирая чётки*). Харе Рама, Харе Кришна!

Анатолий (*ведёт под руку Виталия*). Виталик, ты что на них нападаешь?

Виталий (*в отчаянии*). Взносы не платют! Кто меня на повышение возьмёт с такими показателями?! Ведомость в обком отослать не могу.

Повисает на плече Анатолия, тихо рыдает.

Анатолий (*обнимает его*). Эх, ты, бедолага. Не расстраивайся. Поговорим мы с ними, повлияем по-товарищески. Да заплатят они, заплатят! Мы-то ведь платим тебе.

Виталий. Вы платите. Сознательные потому что. А эти...

Анатолий. Ну, ничего, ничего... Не убивайся так... (*Усаживает его к столу.*)

Сергей (*разъясняет вполголоса Володе*). Он маленько того... (*Крутит пальцем у виска.*) Бывший комсомольский секретарь, из местных. Как началось всё это:

развал комсомола, роспуск партии, бегство повальное с БАМа, да и всё остальное, – он и не выдержал, крыша поехала. Теперь ходит по посёлку, у всех фамилию спрашивает, требует взносы уплатить. Говорит, что его обещали в Тынду на повышение забрать, если поправит положение со взносами.

Володя. Комедия!

Сергей. Сколько лет прошло, а он всё взносы собирает, фамилии спрашивает. Уже и комсомола нет, и комсомольцы разбежались.

Виталий (*обращаясь к Анжеле*). Ты комсомолка? Взносы уплачены?

Анжела (*силаясь понять вопрос*). Что-что?

Виталий (*строже*). Долги есть?

Анжела. Долгов – выше крыши!

Виталий (*достаёт блокнот и авторучку*). Как фамилия?

Анжела (*растерянно*). Кольцова, а что?

Виталий (*строго*). Имя?

Анжела. Анжела!

Виталий. Вижу, родители у тебя сознательные были. В честь Анжелы Девис назвали?

Анжела. Чего-чего?

Виталий. В честь знаменитой американской коммунистки? Была в Америке такая кудрявая негритянка. С империализмом боролась. Стыдно не знать!

Анжела (*гордо*). Нет, я – в честь Анжелики – маркизы ангелов! Блондинка была во Франции.

Виталий (*отходит в сторону, начинает что-то записывать в блокнот, сурово говорит*). Разберёмся, что за маркиза такая. Взносы всё равно платить придётся. (*Подходит к Георгию, намереваясь и у него спросить фамилию и про взносы, но, приглядевшись к его наружности, косичке, серьге в ухе, машет рукой и убирает свой блокнот, объясняя всем.*) Не комсомолец!

Володя (*спрашивает у Сергея, кивая на парочку в жёлтых балахонах*). А это что за клоуны?

Сергей. Даже и не знаю, как тебе сказать. Тоже наши. Правда, не из первого десанта. Молодые. С год уже как свихнулись. То ли не выдержали, как нас держава под плевки и улюлюканье бросила, а то ли и впрямь, как они говорят, им открылась истина, которую они искали всю их жизнь.

Володя. Что, в этих бубенцах и балахонах так и нашли истину?

Сергей (*пожимая плечами*). Говорят – нашли. (*Обращаясь к подошедшей Наде*.) Ну, что там, уговорила?

Надя. Едва уговорила немного посидеть. Не хотят нас обижать. Уйдут, наверное, как только улучат момент.

Сергей. А может, и посидят. Куда им торопиться: у них вечность впереди. Олег, если в раж войдёт, начнёт проповеди свои читать. А Люба без мужа одна не уйдёт.

Володя (*изумлённо*). Так они муж с женой?

Сергей. Были муж и жена, а сейчас – не знаю, позволяет ли *это* самое их новая вера. (*Смеётся*.) С другой стороны, зачем им обычная любовь, если у них – всеобщая и вечная любовь?

Надя. Их надо посадить порознь. Надоели, наверное, друг другу. Ты, Володя, садись рядом с Любой, а к Олегу мы Анжелку подсадим, она хохотушка, жизнерадостная; не поддастся, поди, его бредням.

Володя (*восхищённо о кришнаитке*). Какая женщина! И... (*от недостатка слов делает восхищённый жест*) бритая!

Виталий (*только сейчас заметив Володю, пробирается к нему*). А твоя как фамилия? Из какой первичной организации? Взносы уплачены?

Володя (*досадливо отмахиваясь от него*). Погоди ты со взносами! Не до тебя! (*С искренним, неподдельным восхищением любуется кришнаиткой.*)

Виталий озадаченно отходит в сторону, листает свой блокнот, делает пометки.

Действие пятое

Кухня в квартире Сергея и Нади. В глубине сцены – через «арку» – видна гостиная, там продолжается застолье. Доносятся весёлые крики и шум. Анжела вносит поднос с грязной посудой. Напевает.

Следом врывается Георгий и начинает яростно и строго выговаривать подруге.

Георгий. Мать, ты не забыла, зачем мы сюда притащились?

Анжела. Как же, Герочка! Конечно, не забыла. Чтобы по дешёвке тачку выманить у дяди Серёжи, которую ему в Кремле вручили, когда орденом награждали. Ведь верно?

Георгий. Вот, а то уж я думал, что забыла. (*Грозит кулаком.*) Смотри у меня! Я тут уже навёл справки, они свою ласточку и не трогают, так и стоит законсервированная. Цену ей эти олухи бамовские и знать не знают. (*Радостно потирает руки в предвкушении будущей поживы.*) И цвет тот, который заказчики просили. Коллекционная!

Анжела. Брось ты, Герка! Хоть сегодня не надо об этом. Ведь так хорошо и интересно здесь. Столько новых людей. Смотри, удивляйся, слушай! Когда ещё будет такое?

Георгий. Я тебе дам (*передразнивает*) слушай, удивляйся! Сейчас время такое, не зевай, делай деньги, умный человек, пока пипл не проснулся! Ты вот думаешь, этот Володя вправду музейный работник?

Анжела. А то кто же?

Георгий (*передразнивая*). А то кто же? Умный человек, пылесосит сибирскую глубинку, скупает старину, антиквариат, на эту каменную бабу у него явно заказ какого-нибудь богача-коллекционера. Чего бы он так трясся над истуканом? Сотни тысяч имеет твой турист-музейщик. Уважаю!

Анжела. Все у тебя жулики, Герка. Противно даже!

Георгий (*порывается продолжить спор*). А ты знаешь, дура наивная, что, к примеру... (*Не успевает договорить.*)

Вбегает Надя.

Надя. Анжелка! Ну, где же чашки? Самовар приспел! (*Сама берёт чашки.*) Помоги мне, Гера!

Надя и Гера уходят. Входит Олег-кришнаит.

Олег (*перебирая чётки, бормочет*). Харе Кришна, Харе Рама! Харе, харе...

Анжела. Чего-чего?

Олег. стакан воды мне, сестра. Если можно.

Анжела (*участливо, с жалостью, не по возрасту бабьей, женской*). Вам что, плохо? Плохо, да? И там, за столом не ели ничего. Не ели, вот вам и плохо...

Олег (*бесстрастно*). Мне не бывает плохо; мне всегда хорошо...

Анжела (*недоверчиво*). Всегда-всегда?

Олег (*бесстрастно, со спокойной уверенностью*). Всегда...

Ангела (*с завистью, восхищённо*). Счастли-и-и-вый!

Олег. Хочешь, я и тебя научу... Тоже будешь...

Ангела (*подхватывая с полуслова*). Всегда счастливой?

Олег (*утвердительно кивает головой*). Будешь всегда на веру блаженства.

Ангела. В таком балахоне и лысой? (*Звонко смеётся.*)

Олег. Я научу тебя медитации.

Ангела. Чему? (*Звонко смеётся.*)

Олег. Медитации. Для достижения блаженства.

Ангела. Так я вроде бы умею... Чего учить-то?

Олег. Я научу тебя медитации в чаквы.

Ангела. Куда-куда?

Олег (*теряя самообладание*). В чаквы!

Ангела (*смеётся, заливаясь*). А это как? Вообще-то, я по-всякому умею. А так, чтобы прямо в чаквы какие-то, – и не слыхала. Наверно, классно?!

Олег (*ставя табурет перед собой*). Вот сядь сюда, сестра.

Ангела садится на табурет лицом к залу.

Олег (*сзади возлагает свои ладони на её голову*). Сейчас ты почувствуешь, как прана – энергия вечной жизни и счастья – будет переливаться в тебя. И охватит тебя неземное блаженство. (*Мычит магическое заклинание.*) Ом-м-м-м-м!

Ангела (*шутливо, с напускным сладострастием, почти стонет*). О-о-о-о! О, руки мужские... Руки мужские на мне... Я тащусь... (*Снимает его руки со своей головы и кладёт себе на грудь.*)

Олег падает в обморок рядом с табуретом

Ангела (*смеётся, с презрительным сожалением качает головой*). Есть надо, мужичок. Закусывать! А то (*передразнивая бесстрастный тон Олега*) стакан воды мне, сестра. Братец нашёлся... (*Слегка бьёт его по щекам.*) Харя-харя-харя-харя! Рама-рама-рама-рама!

Олег, очнувшись, садится, очумело глядит на Анжелу, перебирает чётки, бормоча своё, встаёт и, позванивая бубенцами, идёт, пошатываясь, в гостиную.

Ангела, передразнивая его шатающуюся походку, ковыляет следом за ним.

Спустя минуту появляются Володя и Люба-кришнаитка.

Володя. Люба, Любочка, одну минутку, только минутку. Мне нужно сказать, Любочка...

Люба (*поправляет его бесстрастно-наставительно*). Я не Люба. Теперь я зовусь МанУ.

Володя. Ну, пусть МанУ! МанУ, я просто обалдел там, сидя рядом с вами. Такая женщина! Вся в жёлтом... И бритая! Я не прошу себе, если не поцелую такую.

Она уходит в сторону. Он всё пытается обнять её, что-то жарко говорит ей на ухо, она уже начинает кокетливо подхихикивать; он не унимается, лезет под балахон, она молча отбивается. Но не слишком решительно. Только для приличия, очевидно.

Действие шестое

Продолжающееся застолье в квартире Сергея и Нади.

Сергей. Ну, дайте же сказать, черти вы! Два слова!

Надя. Серёжа!

Сергей. Два слова! Дайте сказать. Тихо! Друзья, хорошо, что мы в кои-то веки собрались все вместе. Спасибо случаю, спасибо Володе, Анжелке спасибо, всем вам, что пришли. У нас теперь непростые, сложные, прямо сказать – тяжёлые времена. Володя, я тебя прошу: никому не рассказывай... как мы тут закисаем, спиваемся, сходим с ума. Как нас все предали. Как предали нашу молодость, нашу самоотверженность. Как Родина нас забыла, под плевки бросила. Пусть тот, кто ещё верит в нас, – пусть он верит. Никому, ты слышишь, Володя... Не надо... Никому... Как мы тут... Орденосцы... Не у дел... И дорога наша никому не нужна, и мы никому не нужны... Опустевший посёлок, заброшенный вокзал, раскуроченная техника ржавая. *(Махнув рукой.)* Толк, а ну, бери гитару. Спой.

Анатолий *(берёт гитару, трогает струны)*. Что петь, народ?

Сергей. Спой ту, свою, «Я не прощаю вас, Отчизна!»

Надя *(кладёт руку на гитару, прерывая вступительные аккорды)*. Нет, Толя, нет! Не надо! Что-нибудь другое пой, что хочешь, пой. Не эту. А то я опять заплачу...

Сергей *(пытается её отвести в сторону, успокаивает; но она всё повторяет сквозь слёзы)*. Заплачу, говорю вам, я опять заплачу. Не пой, Толя. Прошу тебя.

Анатолий *(наигрывает «Веселей, ребята»)*. Надя-Надюха, не убивайся! Всё ещё вернётся, по БАМу поезда пойдут, ребята вернутся, жить здесь будем! Стране польза будет. *(Обращается ко всем.)* У нас есть Надежда! За Надежду!

Все вразной поддержкевают его тост. Выпивают.

Сергей *(продолжая разговор с Володей)*. Большое дело возвышало всех нас. А ведь были мы – каждый со своими недостатками, обыкновенные, средние люди. Но это мелкое было неглавным. А главное было другое. Мы находили себя в главном, в большом деле, сами менялись к лучшему, становились другими. И это было хорошо...

Володя. Дальше-то что, друг? Что впереди?

Сергей. Кто бы знал! Быть может, власти спохватятся.

Володя. Ты сам-то в это веришь? Они на самотёк всё пустили. Вредительство какое-то.

Сергей. А может быть и так, что в этом преступном самотёке само собой отыщутся иные тропки, объявятся шустрые ребятки, приватизируют и магистраль нашу. Часто думаю, хоть бы так, хоть бы кто-то объявился, навёл бы порядок, пока суть да дело, возил бы туристов, охотников да рыбаков. У нас же экзотика!

Володя. Этим разве проживёшь!

Сергей. Придёт время – вспомнят и о меди Удокана, и об асбесте «Молодежного», об угле Нерюнгри и кодарском антраците.

Володя. Дожить бы...

Сергей. Доживём!

Действие седьмое

Кухня. Надя, Анжела и Антонина Ивановна носят грязную посуду.

Надя *(укоризненно)*. Мама Тоня! Ну, ты что, в самом деле? Мы сами не управимся с Анжелкой, что ли? Иди отдыхай!

Антонина Ивановна. Куда мне спешить, Надя? В четырёх стенах ещё насыжусь... Опять старые газеты перечитывать...

Надя, махнув рукой, молча уходит в гостиную. Антонина Ивановна и Анжела мою посуду, разговаривают.

Антонина Ивановна. Напилась я, старая дура. Вот, Анжелочка, всю-то жизнь я с молодёжью; где песни, где задор, лозунги, призывы, там и моё место. В семьдесят четвёртом я же сюда сама приехала. По зову, так сказать, сердца! Не хотели меня брать, старая была для них. А мне тогда и пятидесяти лет не было. Меньше, чем им теперь...

Анжела. Мама Тоня! Я так к тебе привыкла! *(В порыве пьяного расположения прикается к Антонине Ивановне.)* Жалею я тебя: как же ты одна всю жизнь жила? Какой же интерес без мужика-то? Так и никто тебя не трахнул, мама Тоня, бедная ты?

Антонина Ивановна *(замахиваясь на Анжелу полотенцем)*. Тьфу на тебя, бесстыжая! Что ты мелешь?

Анжела *(смеётся)*. А лично я и двух дней не продержалась бы...

Антонина Ивановна и Анжела уходят.

Заходят Сергей, Анатолий, Володя. Они продолжают старый разговор. В руках у них стопки. У Сергея – бутылка. Он помаленьку наливает своим собеседникам.

Сергей. Уезжать? А куда уезжать? В Тынду, что ли? Там до сих пор полторы тысячи вагончиков не расселены. Школы, больницы, садики, магазины во времянках.

Володя. Позорище! И это столица БАМа!

Сергей. У нас беда иная: люди разъехались. А посёлок почти достроен. Вон какой вокзал отгрохали!

Анатолий. Пустой стоит...

Сергей. Да, возрождение БАМа – новая утопия. Ходим по золоту – живём в нищете. Ведь до сих пор вокруг магистрали нет никакой экономики. Оставшиеся леса быстро переведут. Китай рядом.

Анатолий. Ну, допустим, дорога не нужна, обойдётся страна. А то беда, что ненужными оказались люди.

Сергей. И мы все.

Володя. Дойдут руки и до бамовских кладовых. И даже на транзите жить можно. Китай да Корея загрузят магистраль под завязку.

Сергей. Да, хоть товары китайские в Европу возить! Всё лучше, чем эта мерзость запустения.

Анатолий. А если оттаёт Северный морской путь? Какой тогда транзит по БАМу? Морем-то дешевле...

Сергей. Да, тогда капец нашим надеждам на трансазиатский путь.

Володя. Ну, когда это будет! К тому времени Россия поумнеет.

Входит Надя, прислушивается.

Сергей. С точки зрения стратегической, это дорога в будущее.

Володя *(икая)*. Да, пожалуй. Если с точки зрения стратегической...

Надя *(с шутливой строгостью)*. Эй вы, стратеги! Закусывайте хоть. Вот грибки. *(Подает тарелку с закусками.)*

Занавес

II Акт

Действие восьмое

Палисадник возле дома Сергея и Нади. Анжела и Георгий продолжают старый спор.

Георгий (*почти кричит*). Мы уже сколько здесь торчим?! Три дня! Вот мне где (*ребром ладони бьёт себе по шее*) все эти разговоры, чаепития, воспоминания, песни, стихи! Ты пойми, дура: им-то всем спешить некуда, им и дальше киснуть здесь. А нам надо дело делать! Тачку надо у дядьки твоего малохольного выманить! Завтра этот турист-придунок, как его, Володя этот, плывёт дальше. Кончится этот спектакль, марафон воспоминаний. Никто уже мешать не будет. Тачку надо брать. Эти лопухи за полценны отдадут. В Москве коллекционеры такой товар с руками оторвут.

Анжела (*оправдываясь*). Гера, да я... Он обещал подумать. Говорит, что машина и не нужна ему, да жалко память о молодости предавать.

Георгий (*строгим тоном вразумляет*). Ты пойми, мы со всеми долгами рассчитаемся.

Анжела (*пытается – слабо и виновато – вставить хоть словечко*). Гера, да я ...

Георгий (*сурово её обрывает, передразнивая*). Да я, да я – головка сама помнишь от чего! Я не знаю, не знаю, как и что... Что хочешь делай... Хоть ложись под него, под дядьку своего разлюбезного. Он, пенёк сибирский, нынешних цен не знает. А мы влёткую сто процентов накрутим. Чувствуешь, какой навар? Это тебе не фарцевать по мелочёвке, не ишачить «челноками»!

Анжела (*вскидывается возмущённо*). Герка! Гад ты этакий! Ты что говоришь, что предлагаешь? (*Передразнивает его*.) Хоть ложись под него. Думай, что мелешь! Он мой дядя!

Георгий (*сердится*). Да не дядя он тебе, а муж тёткин! Есть разница? Дура! По крови нет у вас родства! Дура!

Анжела (*размышляет с минуту и, качая головой, с притворной бравадой поёт*). Приезжай ко мне на БАМ, я тебе на рельсах дам!

Георгий (*одёргивает её*). Шутки в сторону. Дело серьёзное! (*Прислушивается*.) Тихо ты! Вот и он идёт, лёгок на помине. Действуй, не сомневайся!

Георгий поспешно уходит. Входит Сергей; Анжела, «завлекательно» улыбаясь и строя глазки, крадётся по-кошачьи к нему.

Сергей. Ты что, Анжела?

Анжела (*продолжая строить глазки, выразительным шёпотом*). Ни-че-го!

Сергей. А чего же ты? (*Передразнивает её «завлекательные» маневры*.)

Анжела. Дядя Серёжа! Нам надо серьёзно поговорить. Я давно тебе хотела сказать... Ну, в общем, я сюда не за машиной приехала, вернее, не только за машиной. Да, не просто так приехала... Всё никак не удавалось наедине поговорить, дядь Серёж. (*Чуть помедлив, выпаливает*.) Я с детства, с самого детства... Мечтала о том, как вырасту, скажу, что всегда любила... любила тебя, мой милый дядя Серёжа. Мечтала, что ты приласкаешь меня, непутёвую...

Сергей (*повторяет в недоумении*). Приласкаешь?

Анжела вдруг неожиданно подскакивает к нему, обнимает и целует его.

Сергей (*опешив*). Ты что, Анжела?!

Анжела (*тянет его*). Дядь Серёжа! Это правда!

Сергей (*приходит в себя, смеётся*). Куда ты тянешь меня?

Ангела (*«страстным» шёпотом*). Вот, туда... Туда, там скамейка... (*Уволакивает его в глубь сцены.*)

Из-за кулис, глядя им вслед, выходит Георгий. Он довольно потирает руки. Входит Надя.

Надя. Георгий, ты не видел, где все наши?

Георгий. Нет, нет. Никого я не видел. (*Оглядывается с притворной старательностью.*) Здесь никого нет. Идёмте отсюда. (*Поспешно уводит Надю.*)

Из-за кустов в глубине сцены слышится возня, обрывки фраз: «Милый мой...», «Вот здесь хорошо...», «Сейчас... я джинсы расстегну...», «Давай ты сзади будешь...»

Виднеется Ангела, склонившаяся над скамейкой; повернув голову, она нетерпеливо шепчет ему: ну, что ж ты, скорей...

голос Сергея: сейчас, племянница, сейчас маркиза ангелов, я тебя приласкаю... встань-ка поудобнее... вот так...

Шум приобретает недвусмысленную ритмичность, чередуются молодецкие выдохи-уханье Сергея и вскрики-ахи Ангелы, переходящие в девичьи всхлипы-рыданья.

Спустя какое-то время на авансцену выходит Сергей с ремнём в руке, другой рукой поддерживает спадающие брюки.

Сергей. Ну, маркиза, ты даёшь! Не ожидал я от тебя такого... Хоть бы Надежда не узнала! (*Вставляет ремень в брюки. Уходит.*)

Возвращается Георгий, смотрит в глубь сцены. Оттуда, навстречу ему, выходит растрёпанная, зарёванная Ангела в полуспущенных джинсах.

Георгий (*подскакивает к ней*). Ну, как?

Ангела (*ревёт благим матом*). Выпорол... А-а-а...

Георгий (*протирая руки*). Отличненько! Ну, отдаёт тачку? А, впрочем, куда он теперь денется? Мы его сразу на место поставим: шутка ли, девчонку, малолетку почти, к тому же племянницу... Ай-яй-яй, какой бяка!

Ангела, всхлипывая, натягивает джинсы, понемногу успокаивается.

Георгий (*продолжает ёрническим тоном*). А то мы можем и тётенке рассказать, пожаловаться на злодея, маньяка сексуального извращенца! Тоже мне орденоносец... (*С искренним возмущением продолжает, сочувственно помогая Анжеле заправить кофту.*) Куда только мир катится! Что творится!

Ангела (*внезапно свирепея*). Пошёл ты, гнида! (*Бьёт его по лицу.*) На тебе, гад!

Георгий (*опешив, отпрянул*). Ты что, взбесилась?

Ангела (*кричит*). Я сказала, вали отсюда! (*Сноровисто пинает его в пах.*)

Георгий (*скрючившись от боли*). Уй-уй-уй! Дура, куда пинаешь!

Ангела (*зло кричит*). Знаю, куда! Сейчас ещё получишь! Зараза!

Георгий, ругаясь и сдавленно охая, уходит, зажав ладонями болезненное место. Ангела плачет, оставшись одна.

Выходят Анатолий и Виталик-секретарь.

Виталий (*обращаясь к Анжеле*). Ты чего плачешь? Стыдно стало, что взносы вовремя не заплатила? Так это беда поправимая. Ничего. Не плачь. Ведомость ещё у меня. На первый раз строго наказывать не будем. Но выговор, конечно, вляпаем. (*Входя в раж, кричит почти.*) А как же?! Выговор! Ещё скажи спасибо, что без занесения в учётную карточку. Как фамилия?

Анатолий. Погоди ты, Виталик, со взносами. Внесёт она, заплатит... (*Берёт Анжелу за плечи.*) Ну-ну, успокойся. Пойдём, тебе надо умыться. Виталик, принеси-ка воды. Живо!

Анжела, продолжая всхлипывать, понемногу успокаивается, уткнувшись в плечо Анатолия.

Действие девятое

Берег реки. Проводы Володи-туриста. Бестолковая суматоха. Укладывают в одну кучу у лодки его вещи, гостинцы, припасы и подарки. Наплывает лёгкий туман.

Сергей. Туман некстати! Надо трошки переждать. Река тебе незнакомая. Бережёного Бог бережёт.

Надя. Вот, Володя, ты уплываешь, а мы остаёмся. Грустно. Привыкли уже... Тут, в пакете, пироги тебе в дорогу.

Володя. Спасибо, Надя, спасибо тебе за заботу. Всем спасибо, друзья!

Сергей. Не за что!

Володя. Как это не за что? Лодку помогли найти, сторговаться помогли, в путь-дорогу снарядили. Деньги я тебе, Сергей, братка ты мой, спаситель, вышлю, как до места доберусь.

Антонина Ивановна (*пробивается сквозь толпу провожающих и торжественно говорит*). Владимир! Я тебе самое дорогое отдаю для вашего музея.

Надя (*заглядывает ей через плечо*). Что это у тебя, мама Тоня? Ух, ты! Глядите-ка: портрет самого Леонида Ильича Брежнева. Да «гладью» вышитый, не «крестиком». Делать тебе нечего было, Антонина Ивановна! Глаза портишь.

Берёт вышивку, разворачивает, все восхищённо восклицают: «Хорош, как живой, а брови-то, брови!»

Надя (*продолжает*). Да, брови классные, ничего не скажешь! Я вот тоже решила отдать кое-что для музея. Тоже реликвия! Пока мой Сергей в приступе тоски и ревности не порвал эту реликвию на малые кусочки (*Обнимает Сергея, оба они смеются*.) Это фотография делегатов того нашего съезда, с которого наш отряд и отправился на БАМ. Вернее, это только наш отряд. Рядом с Леонидом Ильичём, между прочим, я! Володя, береги эту фотографию. Это уже история.

Володя (*бережно и почтительно берёт у неё из рук рамку с фотографией, устало поворачивается к куче подготовленной поклажи, обречённо вздыхает*). Ох-хо-хо! Груза-то у меня сколько! Как это рассовать в лодку? Ума не приложу.

Сергей (*успокаивающе-рассудительно*). Ничего. Дальше Река тихая. Доплывёшь помаленьку. С деньгами не торопись особо; как сможешь, так и вышлешь. Науке помогать – наш долг, как говорится. А зачем тебе эта баба каменная? Так ты нам и не рассказал.

Володя. Диссертацию пишу.

Сергей. А тема?

Володя (*усмехнувшись*). Вот ты пытливый какой! Ну, слушай, если интересно: «Архетипические источники ментальности племён Восточной Сибири в поселениях эпохи позднего неолита – раннего металла в древнем Забайкалье». А баба эта – веский аргумент в моих теоретических научных построениях.

Сергей (*одобрительно*). Молодец. Дай-ка я взгляну на неё напоследок. (*Склоняется к завернутой по-походному в брезент каменной бабе, приоткрывает ей лицо, любуется. Гладит. Опять завёртывает. Поворачивается к Володе*.) Ты что такой смурной? Никак ждёшь кого?

Володя. Да, жду кое-кого. Тревожно что-то.

Надя (*зябко поёживаясь*). Таким холодом несёт здесь от воды. Я замёрзла тут с вами. Пойдём выше. Там подождём.

Навстречу выходят Анатолий с Анжелой. В обнимку.

Надя (*многозначительно*). А мы вас потеряли!

Анжела (*с задором*). А мы гуляли!

Сергей (*удивлённо*). Всю ночь?

Анжела. Всю ночь. Тут такая красотища. Топик мне песни пел. И, вообще, знайте все: я остаюсь... здесь... с этим бармалеем (*радостно смеётся, целует Анатолия*).

Георгий (*до того индифферентно слонявшийся по берегу, яростно кидается к ним*). Что такое? Ты что, спятила?

Анатолий (*встречает его, поднеся огромный кулак к его физиономии*).
Цыц, ты!

Георгий, разом сникнув, отходит в сторону, бормочет проклятья. Сергей многозначительно и испытующе глядит на новоявленную парочку.

Надя (*подперев ладонью щёку*). Ой, Анжелка, меня твоя мать убьёт!

Анатолий (*несколько смущённо начинает объяснять Наде и Сергею*). Проживём! Меня давно на Северо-Муйский тоннель ребята зовут. Проходчики там нужны. Заработать можно. Жилплощадь сразу дают.

Анжела (*прильнув к Анатолию, влюблённо смотрит на него, повторяет зачарованно*). Северо-Муйский тоннель... Где это? А впрочем, какая разница!

Надя хватаят племянницу за руку, отводит в сторонку, начинает ей что-то выговаривать.

Сергей (*обращается к Анатолию*). А то ты не знаешь, Толя, за что большие деньги платят! За что жилплощадь сразу дают, не знаешь? Не держатся там люди! Целую смену по щиколотку в ледяной воде проходчикам стоять приходится, скальные грунты ковырять! В резиновых сапогах ревматизм схватишь.

Анатолий (*смеётся счастливо и легкомысленно*). А тогда вернёмся сюда к вам. Опять в котельную устроюсь. Отогреемся!

Сергей. А прорыв пльвуна в семьдесят девятом? Сорок гробов отправляли на большую землю!

Анатолий (*счастливо смеётся*). Отстал ты от жизни, Серый! Научились с пльвунами бороться с тех самых пор.

Надя. А выбросы радона в забоях, Толя. Глюков не боишься?

Анжела. Что это, что за глюки, что за радон? Это от слова «радость»?

Надя. Нет, дорогая, это от слова «радиация»!

Анжела и Анатолий. Ничего.

Действие десятое

Появляется Люба-кришнаитка. Володя бросается к ней с нетерпением заждавшегося.

Володя. Люба! То есть МанУ! То есть Люба, Любочка! Наконец-то! Как я ждал тебя. Потерял уже всякую надежду! (*Отводит её в сторону, с жаром продолжает*.) Я понял, ты моё счастье, я без тебя не могу жить!

Люба-МанУ слушает, упиваясь, сладкие его речи.

Володя (*продолжает с жаром*). Когда я там, у Порога, тонул три дня тому назад, задыхался в тугих струях, в бешеной пене бурунов, то глоток воздуха представлялся мне единственным счастьем; потом продрогший, мокрый, заочневший, я был сполна счастлив у открытой топки в котельной Анатолия; потом опять я был дико счастлив,

когда у Сергея и Нади меня накормили и уложили в постель... А потом я увидел тебя... И понял, что такое настоящее счастье, понял, для чего мне жить...

Люба-МанУ слушает, упиваясь, сладкие его речи. Лицо её расцветает счастливой улыбкой любимой женщины. Она бросает наземь ненавистные чётки, бубенцы, молча и деловито срывает с себя жёлтый балахон. Надевает, достав из сумки-торбы, цивильное платье. Всё это просто, как давно решённое, к чему была готова, только ждала.

Володя. Едешь со мной? Всё для тебя сделаю!

Люба (*пылко*). Я согласна. (*Деловито*.) Пойдём за вещичками. У меня всё давно готово. Тут недалеко, в вагончике.

Володя (*испуганно оглянувшись на кучу вещей на берегу, осматривает оценивающе и Любу*). Ещё? Не войдёт! Утонем от перегруза.

Люба. Войдёт! Там немного. А я лёгкая.

Володя (*любовно сюсюкая*). Как пё-ё-ёрышко! (*Подхватывает её на руки, кружит, ставит обратно на землю*.) И бритая, даже волосиков нет! Какой в тебе вес, господи! Воздушная ты моя! (*Двумя ладонями берёт её за голову, любовно чмокает в темечко*.) Даже волосиков нет!

Люба (*убеждённо-успокаивающе*). Образу скоро! Знаешь, какие косы у меня были! (*Показывает, какие толстые и длинные были косы у неё*.)

Володя (*восхищённо*). Ого!

Они, взявшись за руки, быстро уходят, почти убегают вприпрыжку.

Георгий (*оставшись один, в бессильной ярости мечется по берегу*). Дура Анжелка! Дура! Всё в задницу! Все наши планы в жопу! Такой навар можно было иметь! Вот дура-то! Пропади всё пропадом: БАМ ваш, придурки стёбнутые, с песнями вашими, сказками комсомольскими! (*Спотыкается о кучу приготовленного багажа Володи*.) Ну, я вам! Покажу музей боевой славы, покажу музей реликвий коммунизма! Устрою «Голубой огонёк» воспоминаний. (*Достаёт из кармана зажигалку, щёлкает ею, любитесь огоньком*.)

Георгий, присев на корточки за кучей багажа, разжигает костёр, начинает подкидывать сучья и куски плавника, когда пламя чуть окрепло, хватает (не всё подряд в охапку, а коротко взглядывая на каждую «реликвию») и кидает в костёр – жёлтое платье кришнаитки, бубенцы, иконы, фотографии, портреты. Толкает ногой и каменное изваяние, завёрнутое в оранжевый спасжилет. Ойкает, хватается за ушибленную ногу, ругается. Пламя угасает почти, только дым валит сизыми клубами.

Георгий (*откашливаясь*). Что, не хочешь разгораться. Щас, бензинчиком еще сбрызну, принесу! (*Убегает, хромая*.)

Крики из-за кулис: «А-а! Что-такое? Герка-подлец что натворил?!»

Прибегают все. Выхватывают из огня полубогоревшие, закопченные вещи – кто что успел. Всеобщая суматоха.

Герку, вернувшегося с бутылкой горючей жидкости, перехватывают Анатолий и Сергей, заламывают ему руки; все считают своим долгом дать ему пинка или наградить тумаком.

Георгий (*кричит*). Не имеете права! Что за дикость?! Самосуд! Нет у вас такого права!

Крики: «О правах заговорил! Есть у нас право! Вот гад!»

Надя (*вытирает платочком съездовскую фотографию в рамке*). Отпусти-те вы его!

Антонина Ивановна (*плачет над полубогоревшей вышивкой с Леонидом Ильичом*). Прибить бы его, да не стоит за такое говно в тюрьму садиться.

Володя котелком носит воду из реки к костровищу, гасит угли. Набирает в очередной раз воды в котелок. Выливает на голову Георгию. Сергей и Анатолий отпускают поджигателя. Тот с видом побитой собаки уходит, плюётся и вполголоса

ругается.

Олег-кришнаит подобрал жёлтый балахон, колокольцы и чётки, в смятении разглядывает их. Ангела смотрит на него сочувственно. Он замечает её взгляд, подходит к ней, протягивает кришнаитский набор. Она со смехом отталкивает его руку, потом, словно передумав, берёт бубенчики и начинает звонить, словно в школе на урок.

Олег с ненужным балахоном отходит в сторону. К нему подходит Виталик-комсомолец, достаёт блокнот и строго что-то спрашивает.

Люба деловито укладывает поклажу в лодку. На её голове – пёстрый платочек.

Суматоха понемногу успокаивается.

Вполне уцелела только древняя каменная баба.

Слегка закопченная, смотрит она в зал.

В каменных её глазницах – вечность, вопрос, укор, недоумение.

Из-за кулис выходит Старуха в чёрном. Она по-староверски, двумя перстами крестится. Негодующе плюёт.

Занавес. Играет музыка «Веселей, ребята, выпало нам...»
